

1

9 августа 2021 г.

— Получается, что я купил вас вместе с домом?

Борис Бронников, адвокат, высокий крепкий мужчина в свитере и в джинсах, поднялся на крыльцо только что купленного им дома в сосновом бору и обнаружил сидящую на чемодане возле двери женщину неопределенного возраста. Худая и нахохлившаяся, с пестрой повязкой на голове, делающей ее похожей на попугая, с внимательными глазами, она криво усмехнулась:

— Хотите сказать, что вас предупредили обо мне?

— Ну да. Григорий так и сказал мне, что, мол, без Женечки ты не обойдешься, что она, то есть вы, просто клад!

— Так-то оно так, да только известно ли вам, сколько я стою?

— Вы?

— Ну, то есть мои услуги... — Ее бледные щеки моментально порозовели.

— Признаться, нет. Но, надеюсь, мы сговоримся.

— Думаете, со мной так легко можно о чем-то вообще договориться?

— Что-то я не понял. Вы хотите здесь остаться и продолжать работать в этом доме? — начал сердиться Борис. — Или нет?

Конечно, Григорий, его друг, у которого он и купил этот дом, предупредил его о трудном характере домработницы Жени, что к ней надо найти подход и все такое. Но не слишком ли дерзкий взгляд у этой особы? Да и рот она подозрительно кривит... Хотя, может, она просто волнуется? Все-таки Григорий проживал здесь с целым семейством, а теперь в доме поселятся двое взрослых мужиков — Борис с братом Петром. И оба тоже не подарки. Со своим норовом, привычками. Успокаивало одно — Женя, хоть и была особой женского пола по паспорту, но пока что воспринималась им лишь как помощница по хозяйству и никакого интереса как женщина не вызывала. Конечно, сейчас на ней были джинсовая куртка, под которой виднелся малинового цвета джемпер, да длинная зеленая юбка, странным образом отороченная внизу белым кружевом (дичь какая-то!). Может, если ее раздеть, то она будет и ничего...

Она смотрела на него, и глаза ее наполнялись слезами. Кажется, он спросил ее, хочет ли она остаться работать в этом доме. Повторять свой вопрос он не стал, это прозвучало бы и вовсе грубо.

— Женя...

— Меня зовут Евгения, — она вздернула подбородок, и он увидел ее шею, гладкую и молодую, подумал, что ей вообще лет двадцать пять! Или же она так хорошо сохранилась, живя в лесу на свежем воздухе.

— Хорошо, давайте с самого начала. Вы хотели бы остаться здесь, в этом доме, учитывая, что теперь хозяевами будут двое интеллигентных мужчин с очень скромными требованиями в плане быта?

— Да.

Ему показалось, что она произнесла это с трудом, или нет?

Борис достал из кармана ключи и передал ей:

— Открывайте, вы лучше знаете, как это сделать. Здесь так много замков...

Замков на самом деле было всего два, но Борису так хотелось поскорее подружиться с Евгенией, что этот жест с передачей ключей должен был как-то смягчить ее сердце, пусть она поймет, что он ей всецело доверяет.

Евгения схватила ключи и привычными быстрыми движениями открыла двери. И хотя Борис успел рассмотреть дом перед покупкой и даже выбрал себе спальню и кабинет (спален в доме было пять, а кабинетов два, один раньше занимал Григорий, а второй — его старший сын Ефим), но почему-то сейчас заходил в него словно в первый раз.

— Проходите, — бросила она через плечо, быстро двигаясь по огромному холлу в сторону застекленной и залитой солнцем гигантской гостиной, в которой, по мнению Бориса, легко можно было бы организовать зимний сад. Насколько он помнил, в доме была еще одна настоящая гостиная с камином и диванами, а еще — библиотека и множество других комнат, которые теперь, после того как оттуда съехала семья Григория, казались осиротевшими, пустыми даже при наличии мебели, ковров под ногами и занавесок.

— И вы одна убирали этот дворец? — невольно вырвалось у него. Ему, мужчине, для которого уборка всегда представлялась чем-то невообразимо сложным и трудоемким, с чем он даже в молодости справлялся с трудом, было сложно представить, как же можно поддерживать порядок в этих многочисленных комнатах, ваннах, холлах, коридорах, лестницах.

— Да, одна. Единственно, когда я обращалась за помощью к моей подруге Тоне, это мытье всех окон. Клининговую компанию я принципиально не вызывала, потому что знаю, как они работают и как после их уборки пахнет в доме. И вообще, вы сомневаетесь, что я в состоянии содержать ваш дом в чистоте? Тогда зачем же вы настаиваете на том, чтобы я работала здесь?

Теперь была его очередь усмехаться. Оказывается, он настаивает! Да уж, эта Евгения — крепкий орешек. Принимать какое-то радикальное решение сейчас, когда они были знакомы всего

пять минут, было глупо. К тому же, только представив себе, как же это будет муторно заниматься поисками новой домработницы, ему становилось дурно. Нет-нет, эта особа проживала здесь не один год. Так, стоп. Но тогда сколько же ей лет? Ладно, разберемся! Итак. В доме будет чисто, а это уже хорошо. К тому же она знает этот дом как свои пять пальцев. Здесь будет чисто, тепло, все будет работать, греться, напиткиваться домашним уютом, если, конечно, Петр все не испортит своей неряшливостью и еще более дурным, чем у Евгении, характером.

Если Борис был адвокатом, то его младший брат Петр Бронников был, по его мнению, настоящим бездельником и шалопаем. И это просто чудо какое-то, вселенская невероятность, что он, легко и весело занимаясь какой-то очень странной благотворительностью, сколотил себе целое состояние, причем настолько оно было велико, что ему, сорокатрехлетнему мужчине, можно было вообще расслабиться, не работать и жить только на дивиденды.

Один раз он попытался играть на бирже и чуть было все не спустил, но вовремя остановился и вложил деньги в какую-то американскую компанию. Да и вообще, дело прошлое, Борис взял с него слово, что он больше никогда не сунет нос в биржевые таблицы, и, начиная с этого (а этот поворотный момент в жизни младшего брата случился полгода тому назад, когда они как раз вернулись из Парижа), Петя принялся примеривать на себя все виды деятельности взрослого чело-

века, которые казались ему привлекательными. Так, на сегодняшний день, причем день весьма знаменательный, потому как братья решили начать новую жизнь и поменять не только свою городскую квартиру на «лесной дом» под Подольском, но и образ жизни, замедлив ее темп, Петр возомнил себя писателем и теперь, не показывая брату ни строчки своего нового романа, что-то там строчил вот уже целую неделю.

Бродя по новому дому, уже успевшему захлестнуться коробками и чемоданами, корзинами и мешками, Борис с ужасом представлял себе, что же будет, когда сюда приедет Петя и как он будет здесь себя вести. Как в гостиной пропишется большой поднос с остатками еды и грязной посудой, как в спальне повсюду будут разбросаны его штаны, рубашки, пижамы и носки...

Когда-то они оба были женаты, но ничего хорошего эти браки ни одному из братьев не дали. Разве что им пришлось поделиться с бывшими женами деньгами и имуществом. Детей они тоже не нажили, во всем, что происходило с ними плохого, всегда винули своих жен. Вот поэтому, решив немного отпустить ситуацию и позабыть о существовании в обществе брака в принципе, они вздохнули с облегчением, когда поняли, что можно спокойно жить и без жен. Причем жить так, как им вздумается, свободно. Никаких особых условий для совместного проживания они себе не придумывали, просто решили, что жить вместе как-то веселее, приятнее, а если кому-то из братьев вздумается при-

вести в дом женщину, так что ж, будет по меньшей мере забавно.

— Вы на самом деле родные братья, как сказал мне Григорий Яковлевич, или же... как бы это помягче выразиться... близкие друзья?

Она задала этот вопрос Борису прямо в лоб. Она и встала-то близко к нему, почти вплотную, вероятно, чтобы заглянуть ему не только в глаза, но и в душу. Он уловил исходящий от нее цитрусовый запах, словно она маленькими ручонками только что давила сок из апельсина. Должно быть, предположил Борис, она подушилась дорогими духами, доставшимися ей в подарок от бывшей хозяйки, жены Григория, Марты. Ну не может так приятно и дорого пахнуть дешевый парфюм. Хотя, если Григорий платил ей столько, сколько он и озвучил братьям, то она, живя в этом шикарном доме, причем на всем готовом, может позволить себе покупать хоть ведро таких духов каждый месяц.

— Братья.

Он, кашлянув в кулак, отошел от нее подальше и продолжил исследование дома. У него уже был опыт общения с домработницами, но все они очень уж сильно отличались от Евгении. Тихие и незаметные, они даже двигаться старались бесшумно и выполняли беспрекословно все поручения своих хозяев. Эта же мадам обещала быть хамкой. Как-то так.

— Евгения...

— Ладно, раз вы братья, то можете называть меня Женей, — вдруг смягчилась она, к его великому удивлению. — Ну, говорите, что нужно

делать. Хотя я и без того знаю — разобрать все коробки, посоветоваться с вами, куда и что раскладывать, я имею в виду книги, документы. Вы уже определились со спальней?

— Все коробки с буквой «Б» — это мои вещи, как вы можете догадаться, а...

— ...«П», стало быть, вещи вашего брата, Петра Михайловича.

— Точно! Пойдемте, я покажу вам, какую спальню и кабинет выбрал себе я...

Спустя время Борис звонил Петру и кричал в трубку:

— Слушай, я тебе сейчас такое скажу! Эта Евгения, прикинь, будет зарабатывать в месяц сотню тысяч рублей, и при этом она совершенно не умеет готовить!!! Я попросил ее просто заварить чай и приготовить бутерброды, знаешь, что она мне сказала?

— Что?

— Она, прикинь, заявила мне, что готовить она не нанималась!

— И что, ты ее прогнал?

— Нет. Подожду, когда ты приедешь, вот вместе все и решим.

— Она хоть красивая?

— Настоящий крокодил!

— Вот и отлично! — воскликнул обрадованно Петр.

— Ты что, брат, спятил?

— Во всяком случае, она не будет отвлекать меня от моего романа. Ты погоди, не горячись...

Держал же ее Григорий, значит, было за какие качества ее ценить. Может, она человек хороший.

— Говорю же — крокодил, того и гляди сожрет!

2

11 августа 2021 г.

Уложив в мешки старый кафель и прочий строительный мусор, Павел Смолкин погрузил все в багажник старенького «Москвича», которым пользовался только по работе. Он был строителем-одиночкой, зарабатывающим на ремонте квартир и домов. Умел штукатурить, класть плитку, красить, клеить обои, укладывать ламинат и линолеум. Заказов было всегда много, потому что брал он за работу недорого, а работал быстро и аккуратно. Дом, в котором он сейчас работал, ремонтируя ванную комнату и коридор, находился в Водыкино. Наниматели — пенсионеры, приятные в общении люди, пока он работал, кормили его простой и вкусной едой, позволяли пользоваться душем и даже выделили ему для отдыха маленький диванчик на веранде. И искренне радовались, что ремонт идет быстро и что все получается именно так, как они и хотели. Работы оставалось на пару дней: все подчистить, заделать швы, прибраться. Вот сегодня, к примеру, Павлу предстояло вывезти мусор. Понимая, что мешков много и что невозможно вывалить все это в небольшой металлический бак возле дома, он решил отвезти мешки на пустырь.

— На пустырь повезешь? — словно прочитав его мысли, спросил Александр Васильевич, наниматель, когда Павел с силой захлопнул багажник и собирался уже сесть за руль.

— Ну да... А что, нельзя?

— Да не в том дело, Паша. Это же непростой пустырь. Там раньше больница была. Ее собираются снести, и вот на этом месте стали происходить нехорошие дела...

— В смысле?

— Да там люди пропадают. И животные тоже. А сколько раз там находили трупы. Гиблое это место, вот что я тебе скажу. Может, на городскую свалку мусор свезешь, это далековато, но я подкину тебе денег на бензин?

— Ох... Я думал, что все дело в полиции, ну, что там видеокамеры установлены... что нельзя мусор кидать. А вы про какие-то бермудские дела на пустыре. Не верю я в эти байки.

— Говорю же тебе, не байки все это. Там, в больнице, подвалы сохранились, так вот там сатанисты устраивали оргии, людей в жертву приносили... Проклятое это место!

— Говорю же, не боюсь я всего этого и не верю... А люди горазды придумывать разные страшилки. Ладно, Александр Васильевич, поехал я. Вернусь, продолжу прибираться в ванной комнате. Да и потолок покрашу, если так и не решились на зеркальный.

Однако, отъехав подальше от дома, он остановился на обочине, достал телефон и начал искать информацию о пустыре. Первый же сайт, кото-

рый он нашел про Водыкинскую больницу, вызвал усмешку:

«Больница эта — край чудес, зашел в нее и там исчез», — гласила самая популярная из всех «на- скальных» надписей в недострое. Эти строки неизвестного автора стали своеобразным слоганом ХЗБ и были воспроизведены в нескольких помещениях больницы. Народная молва гласит, что в здании погибли или бесследно исчезли сотни и едва ли не тысячи человек.

Но на самом деле ХЗБ ничем не выделяется на фоне других аналогичных недостроев, оставшихся на просторах бывшего СССР. За последние пятнадцать лет СМИ сообщали о четырех смертельных случаях в больнице. Один подросток покончил с собой (созданный его друзьями мемориал со временем стал одной из достопримечательностей здания), остальные стали жертвами несчастных случаев. Сквозные шахты лифтов, дыры в полу и разбросанная арматура представляли главную опасность для «туристов».

Павел достал сигарету и закурил. Понятное дело, что такие гиблые места всегда привлекали разных уродов, наркоманов и сатанистов. Да только они же и распускают все эти слухи, делают они это для того, чтобы нормальные люди туда не совались, чтобы не тревожили их, пока они будут заниматься всякой чертовщиной. Людей вообще привлекает все странное, страшноватое. Недаром же многие толпятся на похоронах, лишь бы поглазеть на покойников. Вот как это можно объяснить?

Картинки, которые всплыли на тему заброшенной Водыкинской больницы, были самые жуткие: какие-то темные люди, похожие на призраков, застывшие на голых лестничных пролетах, разрисованные странными надписями обшарпанные стены, засыпанные мусором захлампленные углы помещений.

Павел загасил сигарету и поехал. Ни страшные картинки, ни информация, которая сочилась со страниц интернета, его все равно не убедили в том, что ему надо опасаться ехать на пустырь. Он просто подъедет, свалит мешки и укатит. Все! Зато сэкономит время и бензин. К тому же он не из пугливых. И все знакомые не считают его трусом. А когда-нибудь, при случае, он сам расскажет о том, что побывал на пустыре Водыкинской больницы и что ничего страшного в этом нет. Он был уверен, что никто из его друзей-приятелей, услышав это, даже не обратит внимание. К тому же сам Павел проживал в Москве, довольно далеко от этого места, и ни разу ничего об этой заброшенной больнице не слышал.

Однако всю дорогу до пустыря он словно видел перед собой расплывчатое черно-белое изображение больницы, вид сверху, и будто написанные детской рукой поверх снимка неровные буквы: «Я исчезну — ты не заметишь».

Как он и предполагал, к самой больнице он бы и без того не приблизился — все вокруг поросло густым жестким бурьяном. Узкая тропинка вела к ржавой решетке с грязной табличкой: «Проход запрещен». И тут же еще одна бумажка, приле-

пленная к прутьям решетки скотчем: «Объект охраняется сторожевыми собаками».

Ну да, конечно, так все и поверили, что где-то там, внутри этого заброшенного больничного ада, попивают чаек сторожа со сворой сторожевых собак, которых надо кормить... Глупости все это!

Павел вышел из машины, открыл багажник и принялся вытаскивать тяжелые мешки и сваливать их прямо в бурьян. Он торопился, но не потому, что боялся каких-то там несуществующих собак или призраков, готовых просочиться сквозь ржавые прутья решетки, нет, он, как здравомыслящий человек, боялся, что его заметят полицейские и оштрафуют на крупную сумму за то, что выбрасывает мусор в неположенном месте. Он вообще боялся полицию, и это его чувство страха перед представителями закона было выработано им исключительно по вине сериалов про ментов.

А еще он, в общем-то, нормальный и в меру мужественный человек, вдруг понял, что руки его дрожат. Даже если бы его окружило пятеро крепких пацанов-отморозков, он не испугался бы и разметал их по пустырю. Он умел драться, знал, как отбиваться. Но здесь он был совершенно один, и ему ничего как будто бы не угрожало, тогда откуда вдруг эта дрожь и липкий пот, катящийся по лицу, который он не успевал вытирать рукавом рубашки?

Когда последний мешок был свален в траву и Павел захлопнул багажник, страх ледяной волной окатил его с макушки до самых пяток. Что происходит? Он никак не мог понять.

Сел в машину и двинулся в сторону дороги. Боковым зрением он успел увидеть в траве, среди тополиной густой поросли, темно-красное пятно. Ему бы проехать мимо, да не мог он. Словно кто-то руководил его действиями, направлял. Он остановил машину, вышел и пошел на это пятно. Зубы его стучали. Вот уж точно чертовщина! Никого же нет! Откуда вдруг эта лихорадка, тряска? Нет, пожалуй, он никому и никогда не расскажет про то, как навестил развалины Водыкинской больницы. Вот уедет сейчас, и все!

Но ноги сами привели его к тому месту, к которому его тянуло как магнитом. И когда он приблизился, то понял, что жизнь его с этого момента изменится. Навсегда.

На небольшой примятой площадке между торчащими острыми ножами поросли лежали две девушки. Это было похоже на картинку из какого-нибудь криминального фильма послевоенного времени — на девушках была очень странная одежда и обувь. На одной девушке — малиновый суконный жакет с нелепой брошкой на лацкане и длинная юбка из черного потертого бархата, еще черные кожаные полусапожки на каблукке. Под жакетом виднелась белая блузка, перепачканная красной губной помадой. Другая девушка была одета в длинное зеленоватое платье в мелкую крапинку с белым кружевным воротником. И на ногах такие же сапожки. Обе девушки были светловолосые, ярко покрашены. Да только мертвые...

Павел и сам не понял, как перекрестился.

3

9 августа 2021 г.

— Вот смотрите, Женечка... Берете чистый заварочный чайник, ополаскиваете его кипятком, потом насыпаете в него...

— Вы что, думаете, что я не могу заварить чай? Уж это-то я смогу.

— А что с бутербродами не так? Нарезаете колбасу, хлеб...

Дело происходило на кухне. Петр в домашнем халате, изображая из себя писателя (потому как Борис видел брата в халате впервые в своей жизни!), терпеливо и даже как-то ласково учил домработницу Евгению готовить чай с бутербродами.

И, странное дело, она слушала его, не огрызаясь и не кривляясь, как это было с Борисом.

На ней была все та же странная одежда — джемпер и юбка с кружевной оборкой, что делало ее похожей скорее на представительницу богемы, художницу или поэтессу, но никак не помощницу по хозяйству.

За окном наливались фиолетовые сумерки, а в доме повсюду ярко горели разного рода светильники, лампы, люстры. Из-за этого все вокруг было не таким уж и безрадостным.

Неразобранные коробки продолжали портить вид, и тот факт, что Евгения к ним так и не приоткрылась, говорило лишь об одном: она еще не приняла решение, останется ли здесь или нет.

Приезд Петра она поначалу восприняла理所当然, сдержанно поздоровалась с ним, а когда он улыбнулся ей и сделал комплимент («Боже, кто эта чудесная девушка?!»), то Борис заметил, как глаза ее заблестели, на лице появилось подобие улыбки.

— Борис, тебе не кажется, что этот дом слишком велик для нас? Похоже, по этому холлу можно кататься на велосипеде. Женечка, вы составите мне компанию?

Она ему ничего не ответила, но продолжила следить за ним, щуря длинные, опущенные густыми ресницами, темные глаза. Голову домработницы по-прежнему уродовала пестрая шелковая повязка, вероятно, косынка или шарф, из-под которой выглядывали медного оттенка кудри.

— Друзья мои, — Петр решил взять ситуацию в свои руки и заговорил миролюбивым тоном, жестами подзывая брата и Евгению поближе к себе. — Поскольку нам здесь предстоит жить втроем и Женечка нас совершенно не знает, а потому напряглась, я это вижу, предлагаю нам всем выпить коньячку и немного расслабиться. И тогда наша маленькая фея увидит, что мы не такие уж и страшные. Она поймет, что я — писатель, человек творческий и неординарный, что мне, пока я пишу роман, нужно постоянно варить кофе и делать бутерброды. А мой брат Борис — человек совершенно другого склада, более серьезный и трезвомыслящий, он адвокат, этим все сказано. Однако Женя должна знать и по-

нимать, почему мы переехали из Москвы сюда, в этот дом...

— Петр! Ты чего такое несешь? Переехали и переехали! — раздраженно воскликнул Борис, не понимая, с чего бы это Петя начал так расшаркиваться перед этой особой. Не хочет она здесь работать? Пусть убирается! Где это видано, чтобы домработница не умела готовить?! Вот уж действительно интересно, за какие такие таланты Григорий держал ее здесь и платил такие большие деньги? Вряд ли она была его любовницей, она вообще не может привлечь мужчину. Но тогда что? В чем дело?

— Да мне нет никакого дела до того, почему вы здесь. Мое дело — содержать дом в чистоте и порядке. Что же касается готовки, то я, конечно, готовила, но у меня как-то не очень получалось... Я вообще много чего умею, вожу машину, к примеру. Могу связать свитер или починить машину, расписать стену (кстати говоря, в холле все стены расписаны мной). Могу вышить вензеля на салфетках, вырастить помидоры или розы, составить шикарный букет, расписать цветочные горшки, сделать укол в вену, отчистить ковер от пролитого кетчупа или жира... Я талантливая во всем... кроме кулинарии. Я предупредила. Так что сами смотрите, нужна я вам или нет? Я умею выбирать хорошее мясо или овощи. Вообще разбираюсь в продуктах. У меня в комнате на третьем этаже есть целая полка книг по кулинарии, но что бы я ни приготовила, у меня как-то все получается невкусно... Это честно.

— Зато мой брат готовит шикарно, — не выдержав, с сарказмом произнес Борис. — Так что вы с ним сами и договаривайтесь!

Он и сам не мог понять, из-за чего так раздражен. Возможно, потому что пока не мог привыкнуть к присутствию рядом с собой совершенно чужого человека? Но привыкал же он в свое время к жене, которую едва знал (поженились спустя неделю после знакомства), к домработнице Соне, к собаке, которую купила, не посоветовавшись с ним, жена.

— А мы и договоримся! Я вообще очень люблю готовить. Но вот именно сейчас, этот месяц и следующий, я буду сильно занят. Я же говорил, что пишу роман. Так что, друзья мои, давайте уже все как-то успокоимся, выпьем, и каждый займется своим делом!

С этими словами Петр куда-то удалился, вероятно, в свой кабинет, расположенный в правом крыле дома на первом этаже, потому что вернулся довольно быстро, неся в руках бутылку виски.

Евгения моментально накрыла на стол, поставила пластиковые стаканчики, одноразовые тарелки, куда наложила дольки апельсинов и аккуратно нарезанный сыр.

— Ну, слава тебе, господи, сыр умеете резать! — хлопнул в ладоши Борис.

— Женечка, не обращайтесь на него внимания, просто у него тяжелый характер, это, во-первых, во-вторых, он не успокоится, пока вы не разберете все эти коробки, ящики и пакеты... Мой брат

считает, что порядка в голове не будет до тех пор, пока вокруг все не будет разложено по полочкам.

Петр открыл бутылку и разлил виски по стаканчикам.

— Так вы согласны работать здесь? — спросил Борис, любящий во всем определенность. — Или теперь каждый раз будете твердить нам, что не умеете готовить и все такое?

— Ладно, по рукам. — Женя выпила виски и пожала руки обоим братьям. — Я остаюсь.

— Ну, слава тебе, господи! — воскликнул Борис. — Но как быть, я хочу есть! И что же нам теперь делать?

— Подождать хотя бы час, — сказала Евгения, встав из-за стола и метнувшись к холодильнику. — Если были бы продукты, то я могла хотя бы сварить яйца или сосиски. Еще пельмени у меня получаются довольно сносно! Но поскольку я только что приступила к своим обязанностям, то сейчас закажу еду в ресторане. Вы не против? Это очень хороший ресторан, называется «Красный бархат», там хорошо готовят. Я VIP-клиент, у меня скидки. Так что открывайте сайт ресторана, изучайте меню и заказывайте!

Борис, недовольно хмыкнув, погрузился в телефон и заказал салат и курицу, Петр — пирог с мясом и два салата. Пока ждали заказ, Женя принялась таскать коробки, разбирать их, хлопая дверцами шкафов: ее как будто можно было увидеть практически одновременно в разных местах дома.

— Более несуразную дамочку я еще не видел, — поделился с братом впечатлениями от новой домработницы Борис. — Мало того, что она не готовит, так еще и выглядит как чучело.

— Боря, а как еще, по-твоему, должна была выглядеть молодая особа, которая собиралась работать в доме, где проживают двое мужчин? Я имею в виду, как должна выглядеть женщина, чтобы не понравиться своим работодателям? Она же нас совершенно не знает! Может быть, она когда-то обожглась, и вот теперь просто вынуждена скрывать свои прелести... Ты сам-то слышал себя? Вот что ты сделал, чтобы расположить ее к себе?

— Да мне только и остается, как думать о том, как расположить к себе прислугу! Ладно, оставим этот разговор. Что мы имеем на сегодня? Домработницу, которая пока что умеет носиться по лестнице и заказывать еду в ресторане. Это все!

— Попроси, может, она свяжет тебе свитер или соберет букет...

Братья сидели за столом и приканчивали бутылку виски, когда раздался звонок в дверь, пришел посыльный из ресторана.

Петр расплатился, а Евгения, бросив на ходу: «Эх, черт, ни скатерти у этих господ нет, ни посуды!», принялась накрывать стол. Все с теми же одноразовыми тарелками и приборами.

Уминая теплый мясной пирог, Петр даже урчал от удовольствия. Борис, раскиснув после виски, вяло поедал салат.

— А что же это вы себе, Женечка, ничего не заказали? — вдруг встрепенулся Петр.

— Заказала. Я гречку заказала и салат из капусты. Но я ем в маленькой комнате за кухней. Я уже привыкла.

С этими словами Женя исчезла.

Злясь на себя за то, что они с Петром не догадались привезти из своих городских квартир постельное белье, полотенца и посуду, Борис улегся спать на застеленной чужими покрывалами и пледами кровати. К тому же на чужой подушке, которая показалась ему слишком мягкой. Голова утопала в ней, как в невесомом облаке. Интересно, думал он, пытаясь уснуть, кто спал на этой кровати? Жена Гриши или сам Гриша? Не могли уж купить себе нормальные плотные подушки!

В какой-то момент он понял, что надо действовать, достал телефон, открыл в нем записную книжку и сделал необходимые пометки: что привезти из дома.

И только после этого, успокаивая себя тем, что завтра их быт будет налажен, что он, так и быть, попросит Евгению купить белье и посуду, он заснул. Но проснулся глубокой ночью и понял, что разбудили его голоса где-то в доме. Он встал и, не зажигая света, вышел из спальни. В холле горел приглушенный дежурный светильник. Голоса доносились со стороны кухни и принадлежали они двум женщинам, одна из которых была Евгения.

Искушение послушать, о чем она может с кем-то разговаривать, а темой для разговора наверняка

стали ее новые работодатели, Борис, приблизившись к дверям кухни на максимально безопасное расстояние, замер, обратившись в слух.

— ...два старых алкоголика, сбежавших из Москвы по неизвестным пока еще мне причинам, — услышал он знакомый голос и сжал кулаки. Уволю ее утром, немедленно! — Один, его зовут Борис, сразу возненавидел меня и, возможно, уже утром уволит меня. Второй еще более-менее, я бы даже назвала его милым, но он врет, говоря, что писатель. Я пробила его в интернете. Он известный меценат, очень богатый человек, в прошлом известный светский тусовщик, бабник, но чем конкретно занимался и как нажил свое богатство, я так и не поняла. В последнее время о нем как-то позабыли. Предполагаю, что их желание бросить Москву, свои шикарные квартиры и перебраться в Подольск, сюда, в лес, связано с криминалом. Думаю, этот Борис (кстати говоря, он не соврал, когда сказал, что адвокат) вляпался в какое-то нехорошее дело, может, защитил кого-то, кого не следовало защищать...

— Хочешь сказать, что человек может сбежать сюда от проблем? Нет-нет, Женя, это просто твои домыслы. Ты всегда во всем видишь криминал.

Этот голос принадлежал женщине с более грубым голосом. Кто она такая и почему притащилась в их дом в три часа ночи?

— Если бы этому адвокату грозила реальная опасность от своего клиента или полиции, прокуратуры, то он сбежал бы за границу, а не сю-

да. Я предполагаю, что они сбежали от жен или любовниц. Что все дело именно в их личной жизни. Но тебя-то это почему волнует? Ты же просто домработница. Прибирайся здесь, получай денежки и живи спокойно. Ты сказала им, что не умеешь готовить?

— Сказала. Была уверена, что меня не возьмут. Но почему-то согласились есть ресторанную еду. Может, просто еще не разобрались, что к чему? И в ближайшем будущем подыщут мне замену?

— А тебе что, так трудно научиться готовить? Я сколько раз предлагала тебе помочь! Уж базовые-то блюда могла бы и освоить. Ты же умная, у тебя не голова, а дом советов! Женька!

— У меня не получается. Я же сто раз принималась готовить, причем самые простые вещи. Может, мне терпения не хватает? И никак не пойму, к примеру, в какой последовательности запускать в бульон капусту или картошку... Как эту поджарку делать. Короче, пока что за те пять лет, что я проработала в этом доме, я перевела тонну продуктов, а в результате добилась лишь единственный раз не сжечь яичницу. Мне проще вскопать грядки или перемыть все окна в доме, чем почистить картошку... Тоня, все, хватит о готовке. Настроение и без того на нуле. Я не уверена, что меня завтра не уволят. Ты знаешь, я люблю во всем определенность, а тут — полная неразбериха.

— А твои новые хозяева знают, что ты родственница Марты?

— Зачем? Они сразу поймут, что Гриша платил мне так щедро по-родственному, терпел меня из-за жены. Если бы не это обстоятельство, разве он согласился бы, чтобы я работала у них?

— Тогда, если эти двое не уволят тебя и согласятся платить по сто тысяч, считай, что ты вытянула счастливый билет!

— Это да. Слушай, как хорошо, что ты пришла! Виски уже закончилось, эти мои алкоголики все выпили, но у меня есть клубничный ликер. Где-то пачка печенья была... Что это мы все пустой чай пьем?

— Женя, ты хотя бы знаешь, который час?

— Нет... Я же коробки разбирала, потом в ванной комнате прибралась... Закружилась. Представляешь, эти господа не догадались привезти полотенца! Хорошо, что в буфете на кухне я нашла два кухонных... Не знаю, как они ими вытирались.

— Сейчас четвертый час...

Возникла пауза. Обе женщины затихли. Одна замолчала, вероятно, наслаждалась произведенным эффектом, другая, растерявшись и не веря своим ушам.

— Тоня, но ты же приехала ко мне всего полчаса тому назад... Что случилось?

— Наконец-то!

— Умер кто? Заболел? Тебе нужна моя помощь? Да что случилось-то?! Я тут тебе разные глупости рассказываю про себя, а ты прикатила ко мне под утро, а я даже не поинтересовалась...

— Да ладно, расслабься. Со мной и моей семьей все в порядке. Все живы и здоровы. Тут в другом дело... Помнишь тот старый барак возле железной дороги, который должны снести?

— Ну как же, конечно, помню. И что с ним? Сгорел?

— Женя, типун тебе на язык! Он стоит пока что. Но у меня там две комнаты, которые я в последние годы уже никому и не сдаю, потому что они в ужасном состоянии, и боюсь, что там в скором времени поселятся бомжи.

— Ты же говорила, что соседи присматривают за квартирой.

— Повторяю, у меня там не целая квартира, а только две комнаты, это же была коммуналка с тремя комнатами, одну я выкупила, теперь две, осталось выкупить третью, вот этим вопросом я как раз сейчас и занимаюсь. Как вся квартира станет моей, а барак снесут, будет шанс получить квартиру в новостройке, в «Кленовых аллеях»...

— Ну да, ты говорила. И что? Не можешь найти собственников этой комнаты?

— Да дело не в этом... Мне соседка по бараку, Вика Фомина, сегодня вечером позвонила. Она хоть и пьет страшно, запойная и все такое, но еще не все мозги пропила. Она звонит мне очень редко, последний раз вообще года два тому назад, когда ей срочно понадобились деньги, причем небольшие и не для себя... Ладно, я снова не о том.

— Тоня, ты пугаешь меня.